

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА КАК ЗЕРКАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ

DOI: 10.25629/НС.2019.12.20

Мироненко С.В.Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется новое исследование, посвященное Судебной реформе 1864 года. Показывается его значение для уточнения имеющихся в историографии представлений об этой реформе эпохи Александра II. Подробно разбирается структура этой работы, подчеркивается ее адекватность поставленным авторами задачам. Представленная в книге о Судебной реформе проблематика рассматривается автором статьи в широком контексте модернизационных перемен, протекавших в России во второй половине XIX – начале XX веков. Делается вывод, что именно с этой точки зрения в анализируемом труде имеются определенные лакуны, поскольку эпоху «Великих реформ» вообще и каждого из этих преобразований в частности следует изучать именно в качестве важнейших этапов модернизации Российской империи. В статье критикуются как некорректные с точки зрения методологии исторического исследования попытки авторов труда о Судебной реформе проследить воздействие преобразований российской системы судопроизводства в 1864 году на более позднее время существования самодержавного режима и даже на советскую и постсоветскую эпохи. Делается вывод о значимости анализируемого исследования для исследования эпохи «Великих реформ» и особенно судебной реформы 1864 года.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 года, «Великие реформы», Александр II, модернизация, Российская империя, самодержавие.

В череде последовательного празднования полуторавековых юбилеев Великих реформ Судебная реформа не вызвала такого мощного общественно-научного резонанса, как, скажем, 150-летие со дня отмены крепостного права, – что в общем-то справедливо и обоснованно, если все-таки отважиться на довольно спорное «взвешивание» значимости обоих преобразований на весах истории и тем более на еще более сомнительное выяснение вопроса о том, какое из них «перевешивает». Впрочем, Судебной реформе тем не менее «повезло» больше, нежели практически синхронной с нею Земской реформе, круглая дата которой осталась практически незамеченной – если судить по уровню и масштабности посвященных ей научных мероприятий и изданных академических трудов.

Легче всего объяснить подобное неравномерное внимание современной политической конъюнктурой, сослаться на существование «удобных» и «неудобных» тем, способных провоцировать те или иные аллюзии с днем сегодняшним. Однако такое мнение представляется недопустимым упрощением и попыткой ухода от ответа на сложный вопрос о состоянии современной отечественной исторической науки и ее развитии. К сожалению, практика, когда фокусировка на той или иной исследовательской проблеме диктуется не столько ее научной значимостью, сколько элементарным наличием исследователей-протагонистов, способных инвентаризировать результаты и наметить дальнейшие направления ее изучения, лишь усугубляется, науку по-прежнему двигают одиночки-энтузиасты, а попытки как-то систематизировать направления деятельности сообщества историков и тем самым преодолеть «броуновское» состояние этого сообщества уже даже и не предпринимаются из-за их, как считается, бесперспективности.

На этом фоне Судебная реформа в свой полуторавековой юбилей оказалась под счастливой звездой: для ее, без преувеличения будет сказано, открытия заново как эпохального события нашего прошлого такие энтузиасты нашлись. Это С.М. Шахрай и К.П. Краковский, издавшие фундаментальный труд, в котором предпринята попытка вывести осмысление Судебной ре-

формы 1864 г. на качественно новый уровень и тем самым вписать это событие и его последствия в те тренды, которые предопределили развитие Российской империи на протяжении последнего полувека ее существования, – тренды, в большинстве своем также требующие более глубокого и неизмеримо более широкого, многофакторного понимания, нежели то, которое, увы, продолжает господствовать в исторической науке. Следует сразу сказать, что эта попытка авторам удалась сполна – и именно поэтому она вызывает желание не только отметить безусловные достоинства исследования, но и подискутировать по поводу его спорных мест.

Цель труда – в том виде, в каком ее заявляют сами авторы, – выглядит вполне заурядной и присущей абсолютно любому историческому исследованию: во-первых, что называется, «достроить» на максимально полной источниковой базе общую картину (в данном случае Судебной реформы), а во-вторых, заново вписать – но уже это, «достроенное» представление – в исторический контекст [1, с. 10]. Из обозначенной цели выводятся три непосредственные задачи. Первая – взглянуть на реформу и ее последствия, так сказать, «изнутри»: разобраться в том, что собой представляла реформа, что и как она реформировала и, наконец, какой стала созданная ею новая судебная система империи. Вторая задача – это обозрение реформы уже «извне»: сквозь призму той политической повестки, которая была перед властью в пореформенную эпоху и в непродолжительный период «квазиконституционализма» – после издания Манифеста 17 октября и до Февральской революции. Третья задача в формулировке авторов сводится к тому, чтобы «продемонстрировать “живучесть Судебной реформы”», причем в перипетиях не только начала минувшего столетия, но и последующих – советского и постсоветского – этапов [1, с. 10].

Сообразно с поставленными задачами распределен и материал книги, собранный по трем же – соотносящимся с названными выше задачами – частям. Причем частям неравномерным: самой крупной является первая – инструментально-юридическая – часть, то есть взгляд на реформу «изнутри». Заметно меньшей оказалась вторая, в которой реформа, ее результаты и судьба рассматриваются «извне» – на фоне политического развития империи. И совсем конспективной выглядит третья часть – о «живучести» реформы на протяжении всего прошлого века и вплоть до наших дней.

Если такая – в прямом и переносном смыслах – трехчастная структура исследования в целом не вызывает возражения, то естественный вопрос возникает по поводу пропорций того внимания, которое авторы уделяют каждой из поставленных ими задач. Получается, что самое пристальное, можно даже сказать – дотошное, – внимание уделяется тем проблемам, которые, в общем-то, и не нуждаются в какой-то принципиально новой интерпретации. Анализ подготовки реформы и той судебно-правовой системы, которая сложилась после ее проведения, требует именно «достраивания» – уточнения деталей, привнесения в сложившиеся представления новых акцентов и трактовок, иллюстрирования отдельными прежде неизвестными или напрашивающимися на иное освещение фактами общего устоявшегося представления о реформе.

Однако гораздо большего внимания заслуживает именно дальнейшая судьба реформы – ее адаптация к *Realpolitik*, о чем так верно заявили в постановочной части сами авторы, говоря о необходимости при оценке всего того проблемного комплекса, который называется «судебной контрреформой», отойти от идеологических штампов и оценить «объективные причины» этого поворота [1, с. 10]. А предельный лаконизм и пунктирные, крупными мазками размышления о непреходящей «живучести» реформы выглядят совсем уж странными.

Может быть, позиция, в соответствии с которой пролонгация эффекта воздействия Судебной реформы за пределы существования Российской империи считается неоправданной и отстаивается мнение, что более корректным был бы такой взгляд на эту – как, впрочем, и на другие Великие реформы, – который не выходит за рамки самодержавной государственности, выглядит и чересчур архаичной. Но ведь даже если согласиться с мнением авторов, утверждающих о существовании фактически непрерывного на протяжении полутора веков воздействия реформы на отечественное судопроизводство (и не только на него), тем более захочется более зримо и осязаемо увидеть такое воздействие – а не на 35 страницах, где и разбирается эта самая «живучесть» с Февральской революции до наших дней [1, с. 490–524].

Первая часть открывается обстоятельным историографическим обзором, охватывающим все полтора столетия изучения проблемы. Чрезвычайно ценным и полезным для читателей является систематизация авторами основных вопросов, на которых сосредотачивалось внимание дореволюционных, советских, постсоветских, а также эмигрантских и зарубежных историков. При этом авторы ставят вопрос о преемственности названных историографических линий – правда, скорее, как о своего рода наследовании каждым новым поколением исследователей проблем, которые их предшественники оставили нерешенными. С одной стороны, такая историографическая проработанность темы не может не вызывать восхищения пунктуальностью авторов, их стремлением к максимально полному охвату всех имеющихся на сегодняшний день наработок. Но с другой стороны, бросается в глаза и недостаточная взвешенность, ощущающаяся в оценках отдельных работ, в которых так или иначе затрагивается обширная тема, именуемая авторами «судебной контрреформой».

Выше отмечалась правомерность содержащегося в начале монографии призыва искать «объективные причины» этой контрреформы. Не вызывает сомнения и предлагаемая авторами система критериев, на основании которых, во-первых, делается вывод, что судебная контрреформа действительно имела место, а не была всего лишь пропагандистским слоганом в накалявшейся внутривластной ситуации страны конца XIX – начала XX вв., а во-вторых, дается определение самому этому феномену как некоей «системе мероприятий правительства, направленных на бюрократизацию судебной власти, ограничение судейской независимости как правовыми, так и противоправными способами, а также расширение административного элемента в юстиции за счет юридического» [1, с. 389]. Всё верно – указанные изменения в судопроизводстве, которые авторы вслед за И.В. Гессеном называют «бюрократизацией правосудия» [1, с. 389], действительно имели место. Но, как представляется, сейчас перед исторической наукой стоит несколько иная проблема: не доказывать или опровергать сам факт того, что контрреформы (или, в трактовке некоторых историков, мероприятия по «консервативной стабилизации») имели место, но попытаться ответить на другой вопрос – а была ли реальная альтернатива политике контрреформ, смогла бы страна выдержать тот ритм преобразований, который был задан Великими реформами, было ли само общество в достаточной мере готовым к тому, чтобы поддержать предложенный либеральной бюрократией и санкционированный самодержавием в лице Александра II сценарий форсированной модернизации? [2, с. 3–18].

Думается, на сегодняшний день невозможно дать однозначно положительный или однозначно отрицательный ответ на этот вопрос. Но именно поэтому полемика здесь должна вестись предельно взвешенно, филигранно, аргументированно. Между тем, авторы явно не готовы признать хотя бы даже частичную правоту тех, кого они называют «неоконсерваторами», оправдывающими «реакционную политику самодержавия» [1, с. 404]. Безусловно, многие из работ таких «неоконсерваторов» не выдерживают элементарной критики. Но вряд ли правомерно считать, что современный немецкий ученый Й. Баберовский, подчеркивающий общую социокультурную неготовность русского общества к правовой модернизации, утверждает тем самым «откровенно консервативные взгляды» [1, с. 38]. Авторы совершенно справедливо полагают, что дореформенный суд представлял собой «неказистый придаток величественной и грозной административной системы» и, по приводимому ими меткому выражению министра внутренних дел С.С. Ланского, «администрация ездил верхом на юстиции». Но из данной констатации вовсе не следует тот вывод, который они делают: что «русский суд XVI – середины XIX в.» никак нельзя считать «надежной опорой режима, состояние которой могло бы серьезно отразиться на его устойчивости» [1, с. 79]. Точнее, этот трюизм предполагает совсем иной вывод: значит, с Ивана Грозного и до Николая I у «режима» просто имелись какие-то иные «надежные опоры», что позволяло судебной системе не быть государствообразующим началом и на протяжении трех веков пребывать в своего рода «келейном» состоянии. Но в таком случае стоит ли напрочь отвергать как абсолютно несостоятельный взгляд Б.Н. Миронова на дореформенный суд как на институт по-своему эффективный – разумеется, в пределах той определяемой уровнем национальной правовой культуры ниши, в какой он существовал [1, с. 79]. Получается, что петербургский ученый говорит об одном, а авторы книги критикуют

его совсем за другое. Ну и, наконец, корректно ли называть «щегловитовскую юстицию» – «практической контрреформой», ссылаясь при этом на материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [1, с. 389], деятельность и выводы которой были предельно политизированными и тенденциозными и просто не могли быть иными в ситуации крушения тысячелетнего политического режима?

На самом деле более внимательный, доскональный, так сказать, под микроскопом разбор концепций тех, кого авторы называют «неоконсерваторами» (разумеется, не всех подряд, а лишь тех, кто этого действительно заслуживает), в конечном итоге сработал бы на их концепцию всепроникающей и незатухающей «живучести» реформы. Ведь точно так же, как значение Земской реформы было не столько в подведении нового основания под местное самоуправление, сколько в легализации – пусть лишь на уровне уездов и губерний – основ принципиально новой политической культуры, объективно и неизбежно враждебной самодержавному строю, главный смысл Судебной реформы заключался не в самом по себе создании новой судебной системы, а в том, что эта система также бросала вызов традиционному правосознанию – а значит, и политической культуре тоже – и потому не могла не стать фактором, работающим на слом сложившегося на протяжении нескольких веков государственного организма.

Судебная контрреформа, равно как и общая неготовность общества в его подавляющем большинстве к восприятию новой правовой системы, умаляли производимый реформой 1864 г. эффект только по форме, а по сути они лишь стимулировали ту самую «живучесть», о которой говорят авторы, потому что даже в удушающих бюрократических объятиях новый суд работал на либерализацию правосознания и в целом политической культуры. При этом он оставался неуязвимым в силу своей легитимности и в латентном режиме продолжал свою незаметную работу по приучению и власти, и населения к началам, никак не вяжущимся с традициями и обычаями самодержавия.

Да, в таком приучении, конечно, главную роль играли новые люди – присяжные и адвокаты, – но не следует умалять значение и более незаметных и на первый взгляд политически безобидных и не опасных для политической системы новаций. Взять хотя бы такой второстепенный – по сравнению с иными громкими в политическом отношении судебно-правовыми усовершенствованиями – институт, как нотариат, о становлении которого подробно говорится в контексте истории реализации Судебной реформы в целом [1, с. 329–334]. Не будет преувеличением сказать, что во многом именно через фигуру нотариуса Судебная реформа вошла в повседневную жизнь, в том числе и добропорядочного обывателя, который мог никогда в жизни и не столкнуться с судопроизводством. И в этом смысле нотариальная бюрократизация, привнесение в отношения, регламентировавшиеся прежде неправовым или квазиправовым образом, нового бюрократического начала, обязательного к исполнению всем населением империи, являлась ничуть не менее значимым фактором, нежели «бюрократизация правосудия»: в конце концов, последняя была лишь частичным отступлением, тем не менее, не ставившим под сомнение легитимность и основания реформы 1864 г., а некоторое ослабление социального радикализма нового суда только способствовало более мягкому и щадящему привыканию к нему подавляющего большинства населения, продолжавшего пребывать в архаичной системе правовых координат.

Приведенные выше пространные рассуждения, инспирированные несогласием с содержащимися в книге отдельными оценками некоторых исследований, посвященных Судебной реформе, вовсе не свидетельствуют о намерении намекнуть на тенденциозность или предвзятость авторов. Убежденность в «живучести» реформы отнюдь не мешает им видеть ее изъяны. Например, говоря о суде присяжных, авторы отмечают и свойственный этому институту корпоративную необъективность, когда по определенному рода делам (в отношении конокрадов и поджигателей, а также отцеубийц и детоубийц) они, как правило, действовали максимально строго. В результате, как отмечается в книге, Митя Карамазов из романа Ф.М. Достоевского «был практически обречен на обвинительный вердикт, неправильный по сути» [1, с. 160].

Ломает обывательское представление о государственной машине империи как едином механизме, отстаивающем интересы самодержавия в его борьбе с разного рода политическими

оппонентами, прежде всего революционерами, раздел, в котором рассматривается Особое присутствие Правительствующего сената – этот созданный для «судопроизводства по государственным преступлениям» «один из элементов судебной контрреформы», который, тем не менее, часто действовал чуть ли не в противофазе с иными правительственными институтами, в частности, с МВД и тем самым не оправдывал возложенных на него надежд [1, с. 216–222]. Небезынтересно и замечание о «деморализации адвокатуры» с началом судебной контрреформы как отечественном проявлении некоего «общеевропейского явления», вызванного общим подорожанием «юридического сопровождения» со вступлением капитализма в его империалистическую стадию [1, с. 304].

Вторая часть исследования, посвященная судебной контрреформе, а по сути в целом судебной системе конца XIX – начала XX в., представляет исключительную ценность с точки зрения содержащейся в ней информации, сгруппированной по четырем темам: непосредственный анализ системы ограничительных мер, функционирование юстиции в чрезвычайной ситуации 1905–1907 гг., биографические портреты министров юстиции и генерал-прокуроров, краткое изложение громких судебных процессов. Эта часть позволяет составить более или менее исчерпывающее представление о том, что собой представляла судебная система на закате Российской империи.

Вместе с тем общая оценка, даваемая авторами тому феномену, который они обозначают как «судебную контрреформу», вряд ли вытекает из заявленного ими же намерения понять «объективные причины» этого явления. Так, например, крайне негативно оценивается военнопольевая юстиция 1906–1907 гг. именно по причине ее неправового характера: «Произвольно расширив сферу действия правового состояния необходимой обороны, государство (впрочем, не являвшееся в то время правовым) присвоило себе право расправы с оппозицией с помощью средств, размер, жестокость и интенсивность которых оно само определяло, главным образом соотнося их с интенсивностью действий самих революционеров», – утверждается в монографии [1, с. 438].

Безусловно, в корне неверно оправдывать развернутые правительством репрессии против восставшего населения соображениями практической целесообразности или, тем паче, интересами сохранения основ государственности. Претензия к авторам совсем в другом. Допустимо ли говорить о неправовом характере чрезвычайной юстиции и при этом никак не видеть взаимосвязи данного феномена с заложенной в новой редакции Основных государственных законов, принятых в апреле 1906 г., общей предрасположенности к чрезвычайным правовым актам, что прямо утверждалось в 87 статье этого свода? Более того, в данном случае мы имеем дело с наглядными примерами законодательства революционной эпохи, правовая стерильность которого и для актов, призванных защитить от нестабильности, и для законодательства победивших революционных режимов вообще сомнительна. Исходя из этой же аргументации, нет оснований усматривать в «щегловитовской юстиции» некую правовую аномалию и абсолютную профанацию духа и буквы Судебной реформы. В конце концов, столыпинской модернизации, оставшейся, наверное, единственным возможным некатастрофическим способом реформирования государства, требовалась именно такая юстиция – с явным перекосом в сторону усиления полномочий следствия и прокуратуры и неизбежными злоупотреблениями в этих сферах. Да и сам И.Г. Щегловитов хотя и не принадлежал к обойме высших правительственных чиновников типа А.Ф. Трепова, которых в последнее время всё чаще именуют «русскими технократами», но, во всяком случае, был явной персоной нон грата для «темных сил», что о многом говорит в непростой ситуации кануна Февральской революции. Думается, что авторы в данном случае, говоря о «щегловитовской юстиции» [1, с. 460–469], проявили излишнюю доверчивость к сведениям источников, политизированных уже по факту своего появления, – упоминавшихся материалов Чрезвычайной следственной комиссии и документов личного происхождения, созданных непримиримыми противниками самодержавия. Явному перекосу в восприятии предреволюционной юстиции способствует рассмотрение в качестве громких судебных процессов начала XX в. исключительно политических дел [1, с. 447–459] при полном игнорировании дел уголовных.

Что касается третьей части с характерным названием ««Ренессанс» Судебных уставов», то собственно научную ценность для темы истории Судебной реформы представляют только ее две первые главы – о некотором реверсе контрреформы в самом начале XX в. [1, с. 483–489] и о политике Временного правительства в сфере судопроизводства [1, с. 490–501], причем в последнем случае с оговоркой, что эта деятельность в марте–октябре 1917 г. по созданию новой российской юстиции во многом проистекала из не получивших развития начинаний еще дореволюционной эпохи. Что же касается попытки авторов проследить «живучесть» реформы 1864 г. в советской и постсоветской судебных системах, то выстраивание такой аналогии, возможно, и имеет смысл в юридических или политических науках, но в силу своей оторванности от любых – как традиционных, так и нетрадиционных – источников не может быть предметом для рассмотрения в рамках исторической науки.

Вместе с тем все приведенные вездливые замечания и несогласия с концепцией С.М. Шахрая и К.П. Краковского лишь подтверждают безусловную научную значимость созданного ими труда – столь основательного, что он подталкивает к размышлениям, выходящим далеко за пределы собственно реформирования судебно-правовой системы и касающимся более общих, чуть ли не историософских вопросов. После издания книги тема Судебной реформы 1864 г. и ее последующей судьбы уже просто обречена рассматриваться не в режиме уточнений тех или иных деталей и нюансов, а исключительно в обобщающем ключе, выводящем именно на общие вопросы истории Российской империи в последние полвека ее существования.

Литература

1. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.; 16 с. ил.
2. Мироненко С.В. Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–18.

Мироненко Сергей Владимирович. E-mail: garf@statearchive.ru

Дата поступления: 26.11.2019

Дата принятия к публикации 10.12.2019

JUDICIAL REFORM OF 1864 AS A MIRROR OF MODERNIZATION

DOI: 10.25629/HC.2019.12.20

Mironenko S.V.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes a new study on the Judicial reform of 1864. The author demonstrates its importance for clarifying of the issues of the present day historiography concerning this reform of Alexander II's reign. Also the structure of this work is analyzed in detail, the author of the article investigates its adequacy to the tasks set by the authors of the book. The problems presented in the book on Judicial reform are considered by the author of the article in the broad context of modernization changes that took place in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. It is concluded that from this point of view there are certain lacunae in the analyzed work, because the era of “Great reforms” in general and each of those transformations in particular should be studied as the most important stages of modernization of the Russian Empire. The article criticizes the attempts of the authors of the work devoted to the Judicial reform to trace the impact of the transformations of the Russian judicial system in 1864 on the later period of the autocratic regime and even on the Soviet and post-Soviet eras as incorrect from the point of view of the methodology of historical research. The author makes a conclusion about the significance of the analyzed work for the study of the era of “Great reforms” and especially the Judicial reform of 1864.

Keywords: Judicial reform of 1864, “Great reforms”, Alexander II, modernization, Russian Empire, autocracy.

Mironenko Sergey Vladimirovich. E-mail: garf@statearchive.ru

Date of receipt 26.11.2019

Date of acceptance 10.12.2019